

Борис ШИРЯЕВ

Ехидна и спрут

Борис Николаевич Ширяев (Москва, 1889 — Сан-Ремо, 1959) записал эту соловецкую историю (и шире — историю советскую), не без одесского фона, уже будучи в эмиграции, в Италии.

Судьба писателя похожа на слепок с судьбы его родины в XX столетии — из дворян, он прошел добровольцем Первую мировую и Гражданскую (на стороне белых), получил несколько смертных приговоров, был каторжником на Соловках, ссыльным в Ташкенте и на Северном Кавказе. Вторую мировую войну и приход немцев он воспринял как возможность легальной борьбы с большевизмом через основанные им газеты. Под конец войны Ширяев оказался в Италии, в Казачьем Стане генерала Краснова, где... преподавал литературу. Как ни удивительно, но именно его послевоенное беженское положение дало ему импульс и возможность состояться как писателю. Одни из его первых очерков были посвящены Соловкам: будучи, по сути, отдельными новеллами, они вошли в состав книги, сделавшей Ширяева знаменитым

— «Неугасимая лампада» (1954). Задолго до Солженицына и с иной тональностью он представил миру литературное свидетельство о советских лагерях, волнующее и поныне. Издательство Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря, образцово подготовив переиздание «Неугасимой лампады» (2012), проследило «лабораторию» книги. Однако мне и американскому исследователю Андрею Власенко довелось обнаружить неизвестный прежде очерк Ширяева «Ехидна и спрут», опубликованный в журнале «Знамя России» (Нью-Йорк) в 1952 г., в двух частях. Первая часть нам уже была известна — она включена в состав 13-й главы книги о Соловках, с другим названием — «Как это начиналось». Вторая часть в книгу не вошла: это обстоятельство, а также сюжетная законченность новеллы, где ее автор заострил противостояние двух антигероев, дает нам возможность вновь обратиться к давней нью-йоркской публикации.

М.Г. Талалай (Милан).

Большинство коммунистических карьер начинается быстрым взлетом ad astra — к звездам — и очень нередко заканчивается еще более стремительным падением и пулей в подвале всемирно известного учреждения.

Карьера Самуила Аароновича Френкеля развернулась в обратном порядке: от более чем вероятной пули в подвале — к звездам, в системе которых он и ныне блистает в составе того созвездия, которое чуть было не прервало не только его карьеру, но и жизненный путь.

Расцвет нэпа в Одессе был особенно пышен. Город, помнивший блаженную для дельцов эпоху порто-франко, город, насчитывавший даже в царское время более десяти тысяч зарегистрированных уголовников всех видов и специальностей, ожил и возродился в родной ему стихии. Шиберство, спекуляция и контрабанда развернулись в нем тогда в невиданных для России масштабах.

Еще молодой в то время коммерсант, природный одессит Самуил Ааронович Френкель разом понял и оценил дух периода, наступившего, как обещал сам Ленин, всерьез и надолго. Понявши это, Френкель сделал «орывы» и приступил к их широкой реализации — образовал трест контрабанды с размахом поистине американским.

Несколько пароходов, целый флот парусников и катеров этого треста совершали правильные рейсы между советскими портами Черного моря, Румынией и Турцией. «Дело» велось открыто до бесстыдства. Всевозможные товары, начиная с шелковых чулок и кончая валютой всех стран, находили себе место в трюмах этой флотилии и чемоданах доверенных агентов Френкеля. Пограничная охрана, уголовный розыск, суды и даже само ГПУ были куплены.

Френкель был коммерсантом действительно большого стиля и человеком своей эпохи в истинном ее значении.

История любит иногда подшутить. На этот раз ее шуткой была служебная командировка в Одессу члена коллегии ОГПУ Дерибаса²⁾, фамилию которого шпана считала остроумно придуманным псевдонимом «Дери-бас», что на блатном языке означает: ори во всю мочу, нагло и нахально. Но эта фамилия была подлинной и лишь несколько иначе писалась до революции — де Рибас, с добавлением звучного титула. Носивший ее чекист был прямым потомком нашедшего новую, более чем милостивую к нему родину в России французского эмигранта, аристократа, ближайшего сотрудника строителя Одессы герцога Ришелье, главная улица которой носила еще тогда его имя.

Последний из рода де Рибасов был чрезвычайно ярко выраженный вырожденцем. Очень маленького роста, почти карлик, с огромными оттопыренными ушами, шелушащейся, как у змеи, кожей и отталкивающими чертами лица, он вызывал среди окружающих чувство отвращения, гадливости, смешанной со страхом, какое испытывают обыкновенно при взгляде на паука, жабу, ехидну...

1) Настоящее имя: Нафталий Аронович Френкель (1883 — 1960) — один из руководителей ГУЛАГа, с 1943 г. — генерал-лейтенант инженерно-технической службы; трижды награжден орденом Ленина. В книге, вышедшей спустя два года после очерка, Ширяев уже ставит имя Натан — видно, ему указали на неточность. Точное место рождения Френкеля неизвестно: то ли Стамбул, то ли Одесса.

2) Терентий Дмитриевич Дерибас (1883 — 1938) — выходец из казаков, революционер, чекист; казнен. Фамилию он получил по деревне Дерибасовке, не имея, таким образом, никакого отношения к основателю Одессы (который, заметим, был неаполитанцем испанского происхождения, а не французом).

Он знал это и не старался замаскировать свое уродство, но, наоборот, бравировал, подчеркивая его крайней неопрятностью, бесстыдством, грубостью и презрением к примитивным правилам приличия.

Столь же уродлива была и его психика (сказать «душа» было бы ошибкой. Вряд ли у него была таковая). Дерибас был больше, чем обычным садистом: он был каким-то концентратом зла всех видов, «Лейденской банкой», заряженной дьяволом в аду. Он ненавидел все и всех и не переносил улыбки довольства даже на лицах своих ближайших сотрудников и товарищей. Дерибас завидовал всему миру в целом и каждому его атому в отдельности. Он никогда не пропускать возможности причинить боль или иной вред каждому, даже бывшему в его лагере. Если коллегию ОГПУ считал ножом гильотины революции, то он был острием этого ножа. Его ненавидели и боялись даже члены этой всемогущей коллегии. Шатобриан или Лермонтов нашли бы в нем готовый прототип выразителя демонизма, который они безуспешно искали среди людей.

Именно эти качества Дерибаса и приковали к нему внимание Дзержинского в первые годы чрезвычайки. Создатель ЧК, вернее, исполнитель этого задания Ленина, оценил по достоинству редкостное внешнее и внутреннее уродство этого человекообразного существа и быстро возвысил его до члена коллегии. Такие люди были там нужны, и Дзержинский не ошибся в своих расчетах: Дерибас оказался даже «полезнее», чем ожидал этого сам главный палач.

В силу своей ненависти ко всему живущему Дерибас был на самом деле... неподкупным. Ненависть превышала в нем все другие чувства, желания и страсти...

Не могу удержаться от подходящей к этому описываемому мною моменту исторической аналогии. Жесточайший из палачей французской революции — Робеспьер — был также единственным неподкупным среди всех ее вождей. Даже Дантон, как это документально подтверждено теперь, был на жалованье у неприемлимого врага Конвента — Питта Младшего.

Но возвращаюсь к теме. Прибыв в Одессу с самыми широкими полномочиями, Дерибас, конечно, тотчас же узнал о контрабандном тресте Френкеля. Знал, конечно, и Френкель о полномочиях Дерибаса. Игра началась.

Френкель по происхождению был евреем, но не имел ничего общего с крупной и мощной в Одессе еврейской общиной, руководимой чтимиыми раввинами. Он был циничным и откровенным атеистом, поклонялся лишь золотому тельцу и щедро рассыпал податки нужным ему людям, но ничего не давал ни на сынагогу, ни на еврейскую благотворительность, равнины были настроены против него.

Эту историю рассказывал мне на Соловках также еврей, сосланный туда одесским чекист среднего ранга. Вот почему мне известны такие подробности о начале деятельности Френкеля.

Именно этот антагонизм между Френкелем и еврейской общиной помог Дерибасу одержать победу. Борьба с Френкелем в тот период была нелегка даже и для такой крупной фигуры, как Дерибас, ибо у Френкеля были закупленные им «свои люди» в составе самой коллегии. Можно предполагать, что одним из них был возвышавшийся в то время Ягода, который позже, уже во втором периоде карьеры Френкеля, явно ему покровительствовал. Глава НКВД того времени Менжинский был, по существу, пустым местом. Доведенный до полного рамолизма наркотиками и развратом всех видов, он был пешкой в руках своих ближайших помощников, а среди них, как это всегда было, есть и будет во всех учреждениях и организациях коммунистической партии, шла ожесточенная внутренняя борьба. Пауки яростно пожирали друг друга. Умный, расчетливый и осведомленный о ходе этой борьбы Френкель был в курсе всех изменений в обстановке внутренних сил НКВД и спекулировал на них столь же умело, как и на валюте.

Но на этот раз он наскочил на достойного его противника. Щупальца спрута, раскинутого от Москвы до Константинополя, встретили жало ехидны. Ехидна была под самым сердцем спрута, в Одессе.

Дерибас, сея ужас вокруг себя, повел с Френкелем чрезвычайно осторожно. Он умело делал вид, что хочет сам сорвать с Френкеля крупный, очень крупный куш, столь значительный, что не стеснявшийся обычно в таких случаях Френкель призадумался и начал торг при помощи доверенных лиц. А пока шел этот торг, в Москву помимо и даже тайно от одесского отдела НКВД, вероятно, от некоторых членов коллегии шли сообщения Дерибаса, в чем ему помогала настроенная против Френкеля религиозная часть одесских евреев.

И вот в одну далеко не прекрасную для Френкеля и его друзей ночь в Одессу прибыл зашифрованный поезд с особой командой московских чекистов, которая поступила под команду Дерибаса.

Френкель, вся головка одесской ЧК и главные «директора» треста были в ту же ночь арестованы и через несколько дней отвезены в Москву самим Дерибасом.

Далее этот авантюрный роман разыгрался так: коллегия ОГПУ вынесла Френкелю и его ближайшим сотоварищам смертный приговор. Но их покровители не сложили оружия. Говорят, что Френкель был уже приведен в подвал, когда...

...когда туда же вслед за ним было доставлено помилование, подписанное окончательным вправшим тогда в рамолизм Менжинским. Шлепка была заменена Френкелю десятилетиями Соловецкого концлагеря, куда он и прибыл осенью 1926 г. С этого пункта начинается вторая, длящийся до сих пор, период карьеры Френкеля: восхождение из тьмы подвала к блеску власти, управление небытовой в истории мира армией двадцати миллионов социалистических рабов.

Попав на Соловки, он тотчас же, как всегда, трезво-практически оценил окружающую его обстановку, и в его действительно широко мыслившей в этом направлении голове зародились грандиозные планы. В то время Соловки были лишь братской могилой для не совсем добытых жертв революции, но ни местное начальство, ни Лубянка не представляли себе еще тех выгод, которые может дать широкое применение каторжного труда в экономике социалистической системы. Именно Френкелем доктрина Маркса была доведена до своего логического конца. Он дописал последнюю главу «Капитала», которую не осмелился высказать вслух сам его автор.

В то время я довольно часто встречался с Френкелем, и эта фигура очень интересовала меня. Он не занимал еще значительного места в соловецкой иерархии, и с ним было можно разговаривать, как с обычным принудителем. Доминирующей чертой его мышления был холодный, расчетливый цинизм, не лишенный порой своеобразного остроумия. Именно им была впервые произнесена фраза, ставшая теперь формулой построения социализма не только в многострадальной России, но и в других идущих по ее стопам государствах.

На острове бушевала тогда страшная эпидемия сыпного тифа, и в группе интеллигентов шел о ней разговор.

— Когда умирает один человек — это драма, его личная, его близкая, порой даже широких кругов, но все же драма, — сказал тогда Френкель с своей характерной улыбкой только одними губами, но не глазами, — но когда погибают тысячи, десятки и сотни тысяч, то драма уступает место бухгалтерии. Тогда это только бухгалтерия!

Заменяв бухгалтерию статистикой, эту фразу возвел в формулу теперь советские коммунисты. Кажется, ее повторил и Гитлер, и не повторяют ли ее теперь про себя апосто-

лы истребления русских подсоветских антикоммунистов?

В нашем лагерном быту Френкель до своего возвышения мало чем отличался от общего типа каторжника-интеллигента. Специфически еврейских черт не было даже в его внешности. Как сожитель, он был довольно приятным: чистым, спокойным, не назойливым. В нем не было, подобно Дерибасу, направленности, устремления к злу. Ни добра, ни зла для него вообще не существовало. В человеке он видел только сумму его возможной производительности, реализованной «добавочной стоимости» Маркса к затратам на обрабатываемое сырье. Эту «стоимость человека» Френкель определял безошибочно. Он был четким, вполне законченным рационалистом международного типа, отбросившим, как ненужный хлам, все, что не могло быть оценено в валюте.

Выдвинувшись своей энергией и несомненными организаторскими способностями на мелких делах, Френкель через посредство тогдашнего начальника соловецких лагерей Эйхманса представил в центр свой проект массового использования ссыльных в качестве рабов строительства социализма. Он снова угадал дух времени. Первая пятилетка стояла уже на пороге, и обеспечение намеченных в ней планов дешевой, почти бесплатной рабочей силой пришлось как нельзя более к месту. Можно предполагать, что и вошедший тогда в силу Ягода поддержал покровительствуемого им старого друга.

Френкель, числившийся еще каторжником, разом вспрыгнул на второе в соловецкой иерархии место. Он был назначен начальником, вернее — организатором создававшейся при управлении воспитательно-трудовой части, то есть его отдела, в котором фактически концентрировалась вся жизнь каторги. Другие отделы управления, как то: административная часть, отдел снабжения, следственная часть — стали лишь подчиненными придатками ВТЧ, в которой беспредельно господствовал Френкель.

Он быстро создал целый промышленный организм, используя сидевших на Соловках многочисленных специалистов. Вернее, он создал лишь штабы отдельных отраслей каторжно-социалистического производства, но тотчас же перекинул работы на материк и на лесозаготовках Вишеры, Кольских торфяниках доказал высокую прибыльность рабского труда. Этого было достаточно. Он был переведен в Москву в качестве главного экономсоветника НКВД.

Там осуществление его планов сразу получило необычайный размах, для которого потребовались новые и новые «наборы рабов».

На очереди стояло строительство Беломорско-Балтийского канала, и Френкель был назначен главою этой сверхегипетской работы. Не знаю точно, но думаю, что заключенным он тогда уже не числился. Да и был ли какой-нибудь смысл в этом пустом росчерке пера для человека, фактически уже обладавшего беспредельной властью над сотнями тысяч жизней, количество которых скоро перевалило за миллион, за два миллиона и начало возрастать в таких темпах, о которых плановики пятилеток не могли даже мечтать.

Социалистическое правительство не осталось в долгу у истолкователя в действенной форме теории социализма. По окончании Беломорско-Балтийской трагедии, в процессе которой погибли несколько сот тысяч людей, Френкель был награжден орденом и званием «героя социалистического труда».

Этот очерк, вернее, информация о Френкеле, является своеобразно «юбилейной». Осенью 1922 года — ровно 30 лет назад — на Соловецкий остров были доставлены первые каторжане. В 1927 году — 25 лет тому назад — была окончательно оформлена воспитательно-трудовая часть управления Соловецких лагерей особого назначения, т. е. тот трамплин, с которого началось эта поистине необычайная даже в наш век карьера.

Спрут активного социализма раскинул свои щупальца на два материка и готовится охватить ими весь мир. В мозгу этого спрута находится человеческая личность, имя которой далеко не общеизвестно. Сила этой личности — в ее полной аморальности. Эта аморальность не является каким-то демоническим страстным порывом. Это холодный, размеренный, рассчитанный до предела шаг лжепрогресса, охватившего все человечество. Гуманизм Возрождения породил рационализм, вполне законно перешедший в материализм, в свою очередь, родивший социализм. Френкель сочетал в себе все эти «измы» и стал их выразителем на практике.

Недавно лишь я узнал, что противник Френкеля чекист Дерибас был арестован и убит в 1938 г. на Дальнем Востоке. Мне невольно подумалось: не свел ли, наконец, спрут личные счеты с укусившей его когда-то ехидной? Френкель умел выжидать и бить наперекор. Мне это стало ясным при наблюдении первых шагов второго этапа его карьеры.